
ЛЮБОВЬ
НЕ КОПИРУЕТСЯ
Кира Си

Кира Си

Любовь не копируется

«Автор»
2026

Си К.

Любовь не копируется / К. Си — «Автор», 2026

После гибели Даниила Вера научилась жить так, будто боль можно держать в аккуратных границах: не заходить в их любимое кафе, не включать старые записи, не отвечать на сообщения его друзей.Пока однажды с ней не связывается корпорация «Эйдос». Компания создала генетическую копию Даниила — человека, которого Вера похоронила три года назад. Корпорация называет встречу частью программы поддержки близких. Вера соглашается: она хочет увидеть его лицо ещё раз и наконец поставить точку.Но перед ней — не воскресший Даниил. Незнакомец не помнит их любви, не знает общих шуток и не обязан становиться тем, кого Вера потеряла. Он смотрит на неё так, будто тоже пытается понять, кем она хочет его видеть.Его зовут Ян. Это имя он выбрал сам.Чем ближе они становятся, тем яснее Вере: её чувства не могут быть продолжением старой истории. Чтобы полюбить Яна, ей придётся перестать искать в нём Даниила. А Яну — поверить, что его можно выбрать не за сходство с другим человеком, а за то, кто он есть.

© Си К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три года тишины 5
Глава 2. Письмо от «Эйдоса» 8
Глава 3. Подпись под согласием 12
Глава 4. Лицо из прошлого 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Любовь не копируется

Глава 1. Три года тишины

Тишина в квартире Веры никогда не была полной.

По утрам гудел холодильник, за стеной сосед включал радио, а в ванной медленно капал кран, который Вера собиралась починить уже месяца три. Иногда с улицы доносился трамвайный звон — короткий, звенящий, будто кто-то пытался напомнить городу, что день начался и можно ехать дальше.

Но всё это было фоном. Настоящая тишина начиналась в прихожей.

Там, на верхней полке шкафа, по-прежнему стояли ботинки Даниила.

Вера не убирала их и не доставала. Просто знала, что они там. Тёмно-коричневые, с чуть стёртыми носами. Даниил носил их в последний год, хотя Вера давно советовала купить новые. Он смеялся и говорил, что ботинки ещё послужат, а потом забывал о разговоре.

Теперь они служили тишине.

Вера открыла входную дверь, внесла бумажный пакет с продуктами и плечом подтолкнула её, чтобы закрылась. Пакет тихо хрустнул. Она сняла пальто, повесила его на крючок и на секунду задержала взгляд на свободном месте рядом.

Там раньше висела куртка Даниила.

Вера отвела глаза и пошла на кухню.

Она покупала ровно столько, сколько могла съесть сама: хлеб, йогурт, яблоки, сыр, кофе. Иногда брала второй йогурт по привычке — тот, который любил он, с вишней. Потом замечала, ставила его обратно на полку в магазине и чувствовала себя глупо из-за того, что привычки живут дольше людей.

Сегодня в пакете лежали только её продукты.

Вера разложила их по местам, поставила чайник и открыла окно. В кухню вполз ноябрьский воздух — сырой, пахнущий мокрыми листьями и выхлопными газами. На подоконнике стоял горшок с розмарином. Он пережил лето, отпуск Веры, несколько забытых поливов и теперь упрямо тянулся к свету.

Даниил когда-то посадил его в старую керамическую кружку.

«Так ему будет уютнее», — объяснил он, когда Вера удивилась, почему растение не в обычном горшке.

Тогда она сказала, что розмарину всё равно, уютно ему или нет.

— Вот поэтому с тобой и хорошо, — ответил Даниил. — Ты не приписываешь чувств растениям.

Она не спросила, приписывает ли он чувства ей.

Чайник щёлкнул. Вера заварила крепкий чёрный чай и отнесла чашку к столу. Напротив неё стоял второй стул. Она могла бы убрать его, освободить место или передвинуть к стене, но так и не сделала. Иногда вешала на спинку сумку. Иногда — пальто. Сегодня стул был пуст.

Вера села у окна и достала телефон.

На экране появилось напоминание: «Забрать фотографии из мастерской».

Она нажала «Готово», хотя фотографии лежали в её мастерской уже неделю. Несколько старых снимков принесли на реставрацию: свадьба, детский портрет, мужчина у моря с газетой под мышкой. На одном изображении от времени почти исчезло лицо женщины. Остался только контур щеки и тень возле глаза.

Вера умела возвращать людям лица. Не настоящие, конечно. Она не могла знать, какого оттенка были глаза или как именно человек улыбался. Она лишь осторожно восстанавливала

то, что сохранилось: царапины, пятна, обрывки света. Иногда приходилось остановиться и принять, что утраченного уже не вернуть.

С собой она была менее терпелива.

В мастерскую Вера пришла к десяти. Включила настольную лампу, убрала с рабочего стола кисти и лупу, подключила планшет. Всё было на своих местах. Её маленькая комната на втором этаже старого здания пахла бумагой, пылью и кофе. Здесь она чувствовала себя спокойнее, чем дома: работа требовала внимания, а внимание не оставляло места воспоминаниям.

Почти не оставляло.

На нижней полке стояла коробка с фотографиями, которые Вера не бралась разбирать. Она привезла их из прежней квартиры после смерти Даниила, сложила в коробку и подписала: «Потом».

Потом наступило. Коробка всё ещё стояла там.

Вера сняла с изображения очередную тонкую царапину. Увеличила снимок. Лицо женщины проявилось яснее: мягкая линия бровей, чуть приподнятый уголок губ. Вера уменьшила масштаб, проверила результат и сохранила файл.

За три года она научилась жить без резких движений.

Не включать музыку, которая напоминала о поездке на юг. Не заказывать два кофе. Не звонить его сестре поздно вечером только потому, что хочется услышать знакомый голос. Не пересказывать Даниловы шутки людям, которые не знают, как он произносил последние слова.

Она научилась отвечать на вопрос «Как ты?» коротко и достаточно убедительно:

— Нормально.

Это не было ложью. Вера и правда жила нормально. Работала, платила за квартиру, встречалась с подругами, иногда даже смеялась. Она умела покупать новый шампунь, выбирать помидоры и планировать отпуск. Горе не занимало каждый час её жизни. Оно стало тише, как шум улицы за закрытым окном.

Но окна всё равно пропускали звук.

В обед ей позвонила Лиза.

— Ты сегодня вечером свободна?

Вера посмотрела на пустую чашку, на снимок под лампой.

— Кажется, да.

— Тогда приходи ко мне. Я приготовлю пасту. Не ресторанную, так что можешь не бояться, что придётся хвалить.

— Я не боюсь.

— Знаю. Ты просто всегда говоришь, что всё вкусно, даже если это не так.

— Это неправда.

— Вера, ты однажды назвала мой подгоревший пирог «интересным».

— Он действительно был интересным.

Лиза рассмеялась. Вера тоже улыбнулась — почти не заметно, но искренне.

Они договорились на семь. Когда разговор закончился, Вера положила телефон экраном вниз и снова вернулась к работе.

До вечера она успела восстановить ещё два снимка. Потом сложила инструменты, выключила лампу и задержалась у коробки с надписью «Потом».

Пальцы коснулись крышки.

Вера могла бы открыть её. Выбрать одну фотографию, просто одну. Посмотреть и убрать обратно. Не для того, чтобы снова пережить всё сначала, а чтобы доказать себе: она может выдержать.

Она подняла крышку на несколько сантиметров.

Внутри лежали снимки, перевязанные выцветшей синей лентой. Сверху — фотография, снятая на море. Даниил стоял по колено в воде, щурился от солнца и махал кому-то за кадром. Ветер трепал его волосы. Он был молодой, загорелый и совершенно уверен, что впереди у них есть сколько угодно времени.

Вера закрыла коробку.

Не сегодня.

Она убрала её обратно на полку, надела пальто и вышла на улицу.

У Лизы было шумно и тепло. На кухне пахло чесноком, помидорами и чем-то поджаривающимся на сковороде. Лиза сразу протянула Вере бокал вина, но та отказалась. Они ели за маленьким столом у окна, говорили о работе, о ремонте у соседей, о том, что Лиза собирается завести собаку и пока не решила, какую именно.

Ни одна из них не произнесла имя Даниила.

Вера была благодарна за это — и немного сердилась на себя за благодарность.

Домой она вернулась после десяти. В подъезде перегорела лампочка, и пришлось нащупывать ключ в сумке почти вслепую. Когда дверь открылась, квартира встретила её привычным полумраком.

Вера включила свет в прихожей.

Ботинки на верхней полке шкафа были не видны, но она всё равно знала, где они.

Она прошла в спальню и остановилась у комода. На нём стояла рамка с фотографией. Они с Даниилом сидели на ступеньках у какого-то вокзала. Снимок был смазанным: Даниил смеялся, а Вера отвернулась от камеры, прикрывая лицо ладонью.

Она не помнила, кто сделал эту фотографию. Зато помнила, что они опаздывали на поезд и всё равно остановились купить булочки с корицей. Даниил ел на ходу, обжёгся и потом весь путь до станции дул на пальцы, словно это могло помочь.

Вера осторожно повернула рамку лицом к стене.

Не потому что разлюбила его. И не потому что хотела забыть.

Просто иногда ей требовался вечер, когда на неё не смотрело прошлое.

Перед сном она долго лежала без света. За окном проходил трамвай. Где-то хлопнула дверь. В трубах тихо стукнуло.

Три года назад Вера думала, что однажды проснётся и поймёт: боль закончилась. Теперь она знала, что горе не заканчивается по расписанию. Оно меняет голос, становится тише, учится жить рядом. Иногда почти не напоминает о себе. Иногда достаточно случайного запаха — кофе с корицей, мокрой шерсти, его одеколона на старом шарфе — и оно снова оказывается в комнате.

Вера закрыла глаза.

Ей казалось, что она уже научилась жить с тишиной.

Она ещё не знала, что однажды тишина заговорит его голосом.

Глава 2. Письмо от «Эйдоса»

Утром Вера проснулась от звонка в дверь.

Она не сразу поняла, где находится. Несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь к квартире: к гудению холодильника, к каплям в ванной, к собственному дыханию. Потом звонок повторился — короткий, настойчивый.

Вера накинула халат и пошла открывать.

За дверью стоял курьер с планшетом.

— Вера Сергеевна Лебедева?

— Да.

— Распишитесь, пожалуйста.

Он протянул планшет. Вера провела пальцем по экрану, не спросив, от кого конверт. Белый, плотный, с её именем и адресом, напечатанными чёрными буквами. В углу — знак, похожий на тонкую спираль, и название: «Эйдос».

Дверь закрылась.

Вера ещё немного постояла в прихожей, держа конверт за край. Потом положила его на кухонный стол и налила себе кофе. Пить она не стала. Села напротив закрытого конверта, будто ждала, что тот сам объяснит, зачем пришёл.

«Эйдос» она знала по новостям. Корпорация занималась биотехнологиями и медицинскими исследованиями, строила лабораторные центры, обещала лечить редкие заболевания и регулярно попадала в заголовки из-за судебных исков. Вера никогда не интересовалась подробностями. В её жизни хватало компаний, которые обещали невозможное.

Она вскрыла конверт.

Внутри лежали письмо, буклет на плотной матовой бумаге и визитная карточка. Письмо было подписано руководителем отдела взаимодействия с семьями участников исследований. Вера пробежала глазами первые строки: выражение соболезнования, дата смерти Даниила, ссылка на его участие в медицинской программе.

Она перечитала абзац.

«Согласно архивным данным, Даниил Андреевич Левин предоставил биологический материал в рамках исследования клеточной регенерации. На основании согласия, подписанного участником программы, компания Эйдос продолжила работу с его образцом в рамках закрытого проекта…»

Вера перестала дышать.

Кофе остывал перед ней. За окном проехал трамвай, и его звон отразился от стекла. Она снова посмотрела на лист, будто строчки могли исчезнуть, если прочитать их достаточно внимательно.

Ниже шло объяснение — аккуратное, выверенное, лишённое прямых слов.

«В ходе проекта была создана биологическая копия донора. Современная технология позволила сформировать взрослый организм с генетическими характеристиками оригинала. Копия не обладает воспоминаниями или приобретённым опытом донора и является отдельным человеком».

Вера отодвинула письмо.

Потом снова придвинула.

Копия.

Не «возможный родственник». Не «участник исследования». Не «человек с похожей внешностью».

Даниил.

Только дальше в письме уточнялось, что перед ней не будет Даниила.

Вера встала, прошлась по кухне и остановилась у окна. Розмарин на подоконнике наклонился к стеклу. Она коснулась пальцем земли, проверяя, сухая ли, и тут же убрала руку.

В письме не было ни одного слова, которое могло бы подготовить к такому сообщению. Ни одного предупреждения. Только вежливые формулировки, юридические оговорки и предложение о встрече.

«Мы понимаем, что эта информация может вызвать сложные чувства. Если вы сочтёте это полезным, представитель компании готов организовать конфиденциальную встречу с созданным участником проекта. Мы полагаем, что такой разговор может помочь вам завершить незакрытый диалог и обрести ясность».

Вера села обратно.

Закрыть незакрытый разговор.

Эти слова задели сильнее, чем остальные. Как будто разговор с Даниилом всё ещё можно было отложить в сторону, завершить правильной фразой, поставить точку в нужном месте.

Она посмотрела на визитную карточку. Марта Соколова, специалист по сопровождению семей. Под именем был указан номер телефона.

Вера не позвонила.

Вместо этого она открыла ящик стола и достала старую папку с документами Даниила. Там лежали справки, страховка, договор аренды, несколько квитанций, которые она после его смерти так и не выбросила. Между бумагами нашлось письмо медицинского центра, где Даниил сдавал анализы перед участием в исследовании.

Вера помнила, как он рассказал ей об этом. Они тогда сидели в машине у супермаркета и ели картошку фри из бумажного пакета.

— Ничего серьёзного, — сказал он. — Проверяют, как клетки восстанавливаются после травм. Им нужны образцы крови и мазок. Заодно заплатят. Я смогу купить тебе те дурацкие наушники, на которые ты смотрела.

— Они не дурацкие. Они просто дорогие.

— Вот и хорошо. Будет серьёзный подарок.

Она рассмеялась и попросила его не подписывать ничего, не читая.

— Я читаю, — ответил Даниил. — Почти всегда.

Тогда эта фраза показалась ей шуткой.

Вера раскрыла найденное письмо. Несколько страниц с техническими формулировками, датами, согласиями. Она перечитывала строчку за строчкой, но понимала всё меньше. В одном пункте действительно говорилось о праве центра хранить образцы и использовать их в дальнейших исследованиях. О создании копии не было ни слова.

Или она просто не нашла.

Вера положила документы рядом с письмом от «Эйдоса». Вокруг неё вдруг стало слишком много воздуха. Она отодвинула стул и подошла к раковине, но не открыла кран.

На холодильнике висела фотография, которую она считала потерянной. Небольшой снимок, закреплённый магнитом в форме лимона: Даниил на кухне, в старой футболке, с полотенцем через плечо. Он смотрит в камеру с притворной серьёзностью, держа в руках тарелку с едой.

Вера сняла фотографию.

Долго смотрела на неё, пока изображение не начало расплываться. Потом вернула снимок на место — лицом к холодильнику.

Телефон лежал на столе. Вера взяла его, нашла номер на карточке и положила обратно.

Через минуту взяла снова.

— Здравствуйте, — ответил женский голос после второго гудка. — Отдел сопровождения семей, Марта Соколова.

Вера чуть не отключилась.

— Это Вера Лебедева. Я получила ваше письмо.

На другом конце возникла короткая пауза.

— Да, Вера Сергеевна. Спасибо, что позвонили. Я понимаю, насколько неожиданной может быть эта информация.

— Вы понимаете?

Она не собиралась говорить резко, но голос прозвучал именно так.

— Наверное, нет, — осторожно ответила Марта. — Но я могу рассказать, что произошло, и ответить на ваши вопросы.

Вера сжала телефон крепче.

— Вы создали копию моего погибшего мужа.

— Мы создали биологическую копию донора, — сказала Марта. — Я понимаю, что эта формулировка…

— Не надо объяснять мне формулировки.

На другом конце снова помолчали.

— Хорошо, — сказала Марта. — Тогда я не буду. Вера Сергеевна, участник проекта не является Даниилом Андреевичем. У него нет его памяти. Он не знает вас. Мы хотим сразу обозначить это, чтобы не создавать ложных ожиданий.

— И всё же вы прислали мне приглашение познакомиться с человеком, у которого его лицо.

Марта не ответила сразу.

— Мы считаем, что вы имеете право знать о проекте. И право самостоятельно решить, хотите ли встретиться с ним.

— А он знает обо мне?

— Он знает, что у Даниила Андреевича была семья. Мы рассказали ему о вашем обращении и о том, что вы можете согласиться на встречу.

Вера закрыла глаза.

— Вы уже рассказали ему обо мне?

— Только то, что необходимо. Мы стараемся учитывать интересы обеих сторон.

— Он человек?

Вопрос вырвался сам собой. Вера почувствовала, как всё внутри напряглось, будто она ждала от ответа чего-то невозможного.

— Да, — сказала Марта. — Он человек. Не носитель воспоминаний Даниила Андреевича и не продолжение его личности. Он отдельный человек.

Вера открыла глаза.

За окном тянулся обычный серый день. Женщина в красной шапке торопливо шла к остановке. Кто-то выгуливал собаку. Мир продолжал заниматься своими делами, не зная, что в её кухне только что изменилось прошлое.

— Зачем вы предлагаете мне встретиться? — спросила Вера.

— Я понимаю, что это может прозвучать неудачно, но некоторые семьи говорили, что встреча помогла им…

— Закрыть незакрытый разговор?

— Это выражение было в письме, да.

Вера посмотрела на эти слова. Теперь они казались ещё хуже.

— Никакой разговор не закрылся бы от встречи с чужим человеком.

— Возможно. Мы не хотим навязывать вам решение.

— Тогда не говорите, что это шанс.

— Хорошо.

Марта произнесла это спокойно, без обиды. Вера не знала, делает ли это её более человечной или только лучше обученной.

— Если вы захотите встретиться, — продолжила Марта, — мы можем назначить время. Без обязательств. Вы можете уйти в любой момент. Он тоже.

Вера снова посмотрела на письмо. Края листа чуть загнулись под её пальцами.

— Я не обещаю.

— Разумеется.

— И не хочу, чтобы вы сообщали ему, будто я согласилась.

— Я не буду.

Они попрощались. Вера положила телефон на стол и долго не двигалась.

Потом собрала документы обратно в папку. Письмо от «Эйдоса» не поместилось — она оставила его отдельно, рядом с чашкой остывшего кофе.

На обороте карточки Марты был указан адрес сайта проекта. Вера открыла его с телефона. Страница загрузилась быстро: белый фон, сдержанный шрифт, фотографии людей в лаборатории. Ниже — краткое описание программы. Там снова повторялись слова про клеточную регенерацию, этику, безопасность и поддержку.

А потом она увидела снимок человека в профиль.

Фотография была небольшой и явно постановочной: мягкий свет, нейтральный фон. Мужчина смотрел не в камеру, а чуть в сторону. Изображение было недостаточно чётким, чтобы рассмотреть детали.

Но Вера узнала линию подбородка.

Она быстро закрыла страницу.

Телефон погас. В чёрном экране отразилось её лицо — усталое, бледное, незнакомое самой себе.

Три года она старалась не прикасаться к прошлому. Не потому, что перестала любить Даниила, а потому, что не знала, как держать его рядом и при этом продолжать жить.

Теперь кто-то обещал вернуть его — и тут же предупреждал, что это не он.

Вера сложила письмо пополам, потом развернула. Провела пальцем по строчке с предложением о встрече.

Она не могла представить, как посмотрит на этого человека.

Ещё меньше она могла представить, что никогда его не увидит.

Глава 3. Подпись под согласием

Вера не спала почти всю ночь.

Письмо от «Эйдоса» лежало на кухонном столе, придавленное солонкой. Она несколько раз убирала его в ящик, а потом доставала снова. Будто боялась, что, если не будет видеть письмо, оно исчезнет — а вместе с ним исчезнет и возможность понять, что именно произошло.

Утром она достала папку с документами Даниила.

На этот раз Вера не стала читать всё подряд. Она разложила бумаги по датам, отыскала договор с медицинским центром и включила на ноутбуке сканер. Страница за страницей появлялась на экране: согласие на анализы, разрешение хранить образцы, медицинская анкета, подпись Даниила внизу каждого листа.

Вера знала эту подпись. Быструю, немного наклонённую вправо. Он так подписывал открытки, квитанции и записки, оставленные на холодильнике.

«Купи молоко. И не забудь поесть. Д.»

Она остановилась на последнем документе.

В заголовке значилось: «Согласие на участие в исследовательской программе». Ниже шли абзацы мелким шрифтом. Вера увеличила изображение и стала читать медленно, по строчке.

Участник соглашался предоставить образцы крови и эпителиальных клеток. Центр получал право хранить материал и использовать его для исследований в области клеточной регенерации и биомедицины. Отдельным пунктом оговаривалось, что материалы могли быть переданы партнёрам программы — «в том числе в целях разработки и тестирования новых методов и технологий».

Вера прочитала это дважды.

Ни слова о создании копии.

Ни слова о том, что однажды из его клеток вырастет человек с его лицом.

На последней странице, рядом с датой, стояла подпись Даниила.

Вера откинулась на спинку стула. В груди было тесно и жарко — будто она проглотила что-то слишком большое и теперь не могла ни проглотить, ни выплюнуть.

Он подписал.

Или подписал то, что ему дали, не представляя, как далеко может зайти расплывчатая формулировка.

Вера вспомнила их разговор в машине. Дурацкие наушники. Картошка фри. Даниил говорил, что всё прочитал. Он, вероятно, и правда прочитал. Но как можно было прочитать то, чего там не было?

Она снова взяла письмо «Эйдоса» и набрала номер Марты.

— Вера Сергеевна, здравствуйте, — ответила та.

— Я нашла согласие, которое подписал Даниил.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете. Там нет ни слова о клонировании. Там есть общая формулировка про исследования и передачу материалов партнёрам. Вы считаете, что этого достаточно?

Марта помолчала.

— Это вопрос, который сейчас рассматривают наши юристы и независимая этическая комиссия.

— Сейчас? Значит, раньше вы не считали нужным его задавать?

— Я не могу говорить за людей, которые принимали решение о проекте. Но могу сказать, что Даниил Андреевич предоставил образец в рамках программы, чьи условия были юридически действительными на момент подписания.

— Юридически действительными, — повторила Вера. — Удобные слова.

— Я понимаю, что вы злитесь.

— Не надо понимать. Скажите, знал ли он, что вы собираетесь сделать.

На этот раз пауза была длиннее.

— В материалах, доступных мне, нет подтверждения, что он знал о возможности создания биологической копии.

Вера закрыла глаза.

Вот и всё. Не сложный ответ, не объяснение, не попытка смягчить. Просто пустое место там, где должна была быть уверенность.

— Значит, не знал.

— Я не могу утверждать это наверняка.

— Но и сказать, что знал, вы не можете.

— Да.

Вера встала и прошлась по кухне. На столе стояла чашка с недопитым чаем. Она отодвинула её, хотя та не мешала.

— Вы говорили, что хотите дать мне возможность встретиться с ним, — сказала она. — Это единственное, что вы собираетесь предложить? Встречу? Чтобы я посмотрела на последствия вашего решения и помогла вам чувствовать себя гуманнее?

— Нет. Это не так.

— А как?

— Мы считаем, что участник проекта имеет право знать о людях, которые были важны для оригинала. Но я не хочу говорить за него. Он сам решит, нужна ли ему встреча.

Слово «оригинал» неприятно кольнуло. Вера сжала переносицу.

— Не называйте Даниила оригиналом.

— Простите.

— И не называйте встречу способом закрыть разговор. Я не собираюсь вести с Даниилом разговор через другого человека.

— Я сообщу, что вы не хотите использовать эту формулировку.

Вера почти усмехнулась. Слова можно было исправить. Случившееся — нет.

— Я хочу получить копию всех документов, которые относятся к образцу Даниила, — сказала она. — Не выдержку. Всё. И список людей или организаций, которым передавали материал.

— Я оформлю запрос.

— И ещё. Если встреча состоится, она не будет записываться. Никаких фотографий, публикаций, пресс-релизов. Я не хочу, чтобы моя жизнь стала частью вашей рекламной кампании.

— Это можно прописать в условиях.

— И я не хочу, чтобы вы представляли это как возможность завершить горе.

— Понимаю.

Вера посмотрела на подпись Даниила на экране. Его имя, дата, уверенный росчерк.

Она вдруг вспомнила, как он однажды подписал за неё открытку маме, пока Вера искала ручку. Почерк получился похожим, но всё равно чужим.

— Я соглашусь на встречу, — сказала она.

Марта ничего не ответила сразу.

Вера продолжила, прежде чем передумала:

— Не потому, что считаю это правильным. И не потому, что надеюсь увидеть Даниила. Я хочу посмотреть на человека, которого вы создали. И услышать от него самого, что он знает и чего хочет.

— Я передам ему ваши условия.

— Нет. Не «передайте». Спросите его. Он должен сам согласиться.

— Конечно.

— И ещё, Марта… Если он не захочет встречаться, вы мне об этом сообщите. Не уговаривайте его ради проекта.

— Я сообщу.

Вера положила трубку и осталась стоять посреди кухни.

Она ожидала облегчения, но его не было. Только усталость и странное ощущение, будто она подписала что-то сама — хотя ничего не подписывала.

Марта прислала письмо через полчаса. Во вложении была форма согласия на ознакомительную встречу. Вера прочитала каждый пункт. В документе говорилось, что она понимает: участник проекта не обладает воспоминаниями Даниила Левина, не является его личностью и не обязан отвечать на вопросы о нём. Встреча не накладывает на стороны никаких дальнейших обязательств.

Вера добавила от руки несколько условий: без записи, без использования моего имени и изображения, встреча возможна только при отдельном согласии участника.

Она задержала ручку над последней строкой.

Старая привычка требовала отложить решение. Подождать день. Переспать с ним, хотя она уже не спала. Дать чувствам улечься.

Но чувства не улеглись за три года. Они просто научились ждать.

Вера поставила дату и подписала документ.

Её подпись вышла неровной.

Она сфотографировала страницу и отправила Марте. Потом убрала оригинал в папку, рядом с согласием Даниила.

Две подписи. Два решения, принятые с разницей в несколько лет и при совершенно разных обстоятельствах.

Одна принадлежала человеку, который, возможно, не знал, на что соглашается.

Другая — женщине, которая знала только то, что встреча ничего не исправит.

Вера закрыла папку и оставила ладонь на её обложке.

За окном начинался дождь. Капли скользили по стеклу, размывая двор, машины и силуэты прохожих. Вера смотрела, как город теряет чёткость, и думала о лице, которое не видела три года.

О лице, которое теперь могло принадлежать незнакомцу.

Глава 4. Лицо из прошлого

В здании «Эйдоса» не было ни одного окна, выходящего на улицу.

Вера заметила это, пока ждала у стойки регистрации. Стеклянные стены отделяли холл от коридоров, матовые двери скрывали кабинеты, а на белом потолке ровно и беззвучно горели светильники. Всё здесь было устроено так, чтобы человек не задерживался взглядом ни на чём лишнем.

На стойке лежал планшет с формой посещения.

— Вам нужно подтвердить, что вы понимаете условия встречи, — сказала сотрудница ресепшена.

Вера уже читала их дважды. Она всё равно перечитала ещё раз: встреча добровольная; участник вправе прекратить её в любой момент; запись запрещена. Её собственные условия были внесены отдельным пунктом.

Она поставила галочку.

— Спасибо. Вас проводят.

Вера поднялась по короткому коридору за сотрудницей в сером костюме. Слева мелькали двери с номерами. Где-то негромко работал принтер. В конце коридора сотрудница остановилась перед комнатой с табличкой «Переговорная 3».

— Он уже там, — сказала она. — Я буду за дверью. Если вам понадобится помощь или вы захотите закончить встречу, просто скажите.

— Он согласился?

Сотрудница чуть помедлила.

— Да. Ян дал согласие сегодня утром.

Имя прозвучало буднично, почти незаметно. Вера ухватилась за него, как за поручень.

Ян. Не Даниил.

— Хорошо.

— Вам принести воды?

— Нет, спасибо.

Дверь открылась.

В комнате стоял стол, два кресла и низкий диван у стены. На столе — кувшин с водой и стаканы. Никаких камер Вера не заметила, но всё равно первым делом посмотрела на потолок. Углы были пустыми.

Мужчина стоял у окна.

Он обернулся.

Вера забыла, как дышать.

На одно мгновение исчезли белые стены, кувшин, свет, коридор. Осталось только лицо. Линия скул. Тёмные брови. Небольшая складка между ними — та самая, которая появлялась у Даниила, когда он старался понять, шутят с ним или говорят серьёзно.

Даже волосы были похожей длины.

Он был старше, чем Даниил на последней фотографии, — или Вера просто не сразу заметила у его лица взрослую тяжесть. В нём не было ничего призрачного. Он не казался снимком, вынутым из прошлого, и от этого становилось хуже.

Он был настоящим.

— Вера? — произнёс он.

Голос тоже был похож. Не точная копия — слова звучали чуть ниже, мягче, — но сходство оказалось достаточным, чтобы у Веры дрогнули пальцы.

Она ухватилась за ремешок сумки.

— Да.

Он не подошёл ближе.

— Я Ян.

Вера знала, как его зовут. Она читала имя в письме от Марты, слышала по телефону. Но сейчас оно впервые относилось к человеку напротив.

— Я знаю.

Ян чуть заметно кивнул. Он выглядел так, словно хотел сказать что-то ещё, но не знал, какое слово будет безопасным.

Вера тоже не знала.

Она села в кресло. Ян подождал и только потом занял другое — не рядом, а через стол. Так было правильно. Между ними оставалось достаточно места, чтобы не перепутать встречу с чем-то другим.

— Хотите воды? — спросил он.

Это был обычный вопрос. Такими словами мог начать разговор любой незнакомец.

Но Даниил всегда спрашивал: «Тебе налить?» — даже если речь шла не о воде, а о чае, вине или супе. Вера не помнила, когда впервые заметила эту привычку. Наверное, никогда и не замечала, пока она не исчезла.

— Нет, спасибо.

Ян положил ладони на колени. Вера посмотрела на его руки. Они были похожи на руки Даниила — широкие ладони, длинные пальцы, тонкий белёсый шрам у большого пальца. Или ей показалось. Она не знала, был ли у Даниила такой шрам, и вдруг поняла, что уже пытается сопоставлять их по мелочам.

— Марта сказала, что вы не хотите, чтобы я говорил с вами о нём, будто я его знаю, — произнёс Ян.

— Ты его не знаешь.

— Да. Не знаю.

Он не стал защищаться и не попросил объяснить. Вера ожидала, что он будет задавать вопросы. Или, наоборот, пытаться успокоить её, показывать, как хорошо понимает своё положение. Вместо этого он просто сидел напротив и ждал.

От этого молчания Вера чувствовала себя ещё неловче.

— Ты знаешь, кто он был? — спросила она.

— То, что мне рассказали. Его имя. Чем он занимался. Что он умер три года назад. Что вы были женаты.

Вера опустила взгляд на свои руки.

Они не были женаты. Это был один из тех планов, которые Даниил откладывал до «подходящего момента», а она никогда не торопила. Они говорили об этом, но не успели выбрать дату. В письме, видимо, ошиблись или решили, что так проще.

— Мы не были женаты, — сказала она.

— Прости. Я не знал.

— Ничего.

Ян снова замолчал. Потом спросил:

— Ты хочешь, чтобы я спрашивал о нём?

Вера подняла глаза.

В его голосе не было ни насмешки, ни нетерпения. Он действительно ждал ответа. Не того, который от него хотели услышать сотрудники компании. Её ответа.

— Не знаю.

— Хорошо.

Он отвёл взгляд к столу. На секунду нахмурился — и Вера узнала этот жест. Не потому, что он был особенным, а потому, что помнила его у Даниила. Тот так хмурился, когда пытался решить, надо ли предложить помощь или лучше не мешать.

Вера сцепила пальцы.

— Ты всегда так делаешь? — спросила она.

— Как?

— Хмуришься, когда не знаешь, что сказать.

Ян коснулся пальцами переносицы, словно проверяя, что именно она имеет в виду.

— Не знаю. Наверное.

— Даниил тоже.

Слова повисли между ними.

Ян не улыбнулся и не воспользовался этим сходством.

— Я не знаю, почему у меня такие привычки, — сказал он. — Мне объяснили, что некоторые вещи могут быть связаны с телом. Но не со знакомыми воспоминаниями.

— Тело помнит?

— Я не знаю. Возможно, люди, которые меня создали, знают лучше. Мне самому никто толком не объяснил.

Вера хотела спросить, что он чувствует, когда смотрит на своё отражение. Хотела узнать, страшно ли ему жить с лицом человека, которого он никогда не встречал. Но вопросы звучали слишком близко к тем, которые она задавала бы Даниилу, если бы могла снова сидеть с ним напротив.

— Ты видел его фотографии? — спросила она.

— Несколько. Марта показала одну, прежде чем спросить, хочу ли я встретиться с тобой. Я попросил больше пока не показывать.

— Почему?

Ян задумался.

— Не хотел заранее представлять, каким ты будешь.

Вера не знала, что ответить.

Он посмотрел на неё внимательнее, и у неё снова сжалось горло. Даниил смотрел так же, когда она рассказывала о чём-то важном и сама ещё не понимала, что именно хочет сказать. Почти не моргал, чуть наклонив голову, полностью отдавая ей внимание.

Но Даниил знал её. Знал, что она замолкает, когда устала. Знал, что она сжимает пальцы, если сердится. Знал, что не нужно трогать её плечо, пока она сама не приблизится.

Ян ничего этого не знал.

Он просто смотрел.

И взгляд был незнакомым.

Вера почувствовала, что становится трудно сидеть. В комнате вдруг оказалось слишком светло. Она посмотрела на белые стены, на кувшин, на ровный край стола. Всё оставалось на месте, но ей казалось, будто пол под креслом медленно смещается.

— Вера? — спросил Ян.

Её имя в его голосе прозвучало почти так же, как у Даниила.

Она встала.

— Прости. Я не могу.

Ян тоже поднялся, но не двинулся к ней.

— Ты хочешь закончить встречу?

Вера кивнула.

— Да.

Он посмотрел на неё и едва заметно нахмурился. Тот самый жест. Похожий и чужой одновременно.

— Хорошо, — сказал он. — Не нужно оставаться.

Эти слова должны были облегчить ей уход. Вместо этого Вера почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.